

УДК 008:316

Неформальные практики выстраивания региональной идентичности**А.В. Кузнецов***Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия*

Аннотация: В статье анализируются медийный потенциал контркультуры (на примере Западной Сибири), которые опираются на осознание принадлежности к местному сообществу через его отрицание. Цифровая коммуникация помогает легитимировать контркультурные идеи, постепенно создавая из них территориальный бренд или архетип. Презентация исследования состоялась в рамках конференции Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского «Тенденции развития российских регионов в условиях глобальных вызовов и угроз» 22-23 апреля 2019 года (г. Симферополь).

Ключевые слова: бренд; дискурс; геопэтика; контркультура; локалитет; мем; неформальные практики; региональной идентичности; «сибирский панк».

Для цитирования: Кузнецов А.В. Неформальные практики выстраивания региональной идентичности // Caucasian Science Bridge. 2020. Том 3. № 3 (9). С. 38-42.

Informal practices of building regional identity**Arkadii V. Kuznetsov***Tyumen State University,
Tyumen, Russia*

Abstract: The article analyzes the media potential of the counterculture (on the example of Western Siberia), which is based on the awareness of belonging to the local community through its denial. Digital communication helps to legitimize countercultural ideas, gradually creating a territorial brand or archetype out of them. The presentation of the study was held at the conference of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky "Trends in the development of Russian regions in the context of global challenges and threats" on April 22-23, 2019 (Simferopol).

Keywords: brand; counterculture; discourse; geopoetics; informal practices; locality; meme; regional identity; "Siberian punk".

For citation: Kuznetsov A.V. Informal Practices of Building Regional Identity // Caucasian Science Bridge. 2020. Vol 3. No 3 (9) P. 38-42.

По мнению философа В.Г. Богомякова, географическое пространство принадлежит людям и выступает для них в качестве «географии ума» (Ж. Делез, Ф. Гваттари), задающей символические модели (*Байбурин, 1983*). Поэтому в условиях тотальности цифровой среды региональная идентичность начинает выстраиваться не только на принадлежности к географическому локалитету, но и к геокультурному мифу. Формирующие его архетипы выходят за рамки традиционных для нашего общества символов или культурных кодов, следовательно, их чаще можно найти в проявлениях неформальной активности. Зачастую подобное творчество носит контркультурный характер и генерируется в сетевой среде, как демонстрация свойственной молодежи протестной активности. Героями становятся люди, выделяющиеся из общей массы, в том числе, через неприятие действительности или нежелание смириться с принятыми обществом стандартами поведения.

Иконами медийной среды постепенно становятся персоны, которые еще недавно являлись токсичными для официального культурного дискурса. Примерами таких прорывов можно назвать инициативу присвоить аэропорту города Омска имя Егора Летова, а также предложение назвать Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета именем его выпускника, поэта Мировлава Немирова. Обе эти фигуры считаются генераторами идей, породивших такое явление как Западно-Сибирская контркультура 1980-1990-х годов, наиболее извест-

ным проявлением которой было музыкальное течение «сибирский панк». Радикализм взглядов и использование инвектив в творчестве в свое время вывело их за рамки культурного мейнстрима, поэтому обсуждение гипотетической перспективы легитимировать этих авторов указывает на изменения в общественном сознании.

Несмотря на достаточно широкую известность «сибирского панка» в нашей стране и за рубежом, многими жителями провинции контркультурное творчество ощущается как вторичное. Пренебрежительность к творчеству местных исполнителей происходит из ментальной установки, что провинциальная жизнь неинтересна по определению, ведь все заслуживающее внимания происходит в столицах. Зачастую для жителей Сибири становится откровением, что эта территория воспринимается представителями столичной интеллигенции как «место силы», в том числе, благодаря контркультурному творчеству. На практике это помогает идентифицировать себя, как представителя *heroes civitatem* (сообщество героев) и тем самым осознать свою региональную идентичность.

Следует отметить, что, хотя активная фаза Западно-Сибирской контркультуры завершилась на рубеже XXI века, здесь продолжает существовать традиция противопоставления себя доминирующей в регионе и стране культуре. Одним из примеров парадоксального обозначения принадлежности к региональному локусу может служить, издаваемый при поддержке Тюменского государственного университета журнал «Тюменский рептилоид» (*Тюменский рептилоид, 2019*). Еще одной попыткой найти специфическое место в региональном контексте можно назвать тюменскую группу «Разбудите Ленина», обыгрывающую в своем названии исторический факт сохранения в Тюмени во время Великой отечественной войны тела В.И. Ленина (*Разбудите Ленина, 2019*).

Поиск региональной идентичности, в том числе через шокирующие или циничные образы, тесно связан с геопоэтикой, которая «фиксирует сам момент взаимодействия и единства земного пространства (гео) и организующей его культурной формы (поэтика)» (*Абашев, Абашева, 2012*). В данном случае способом «освоения», понимания той или иной территории становятся литература, текст, а также слово, которое может бытовать и в устной традиции. В качестве примера можно привести создаваемый литературными приемами миф о Тюмени, которая в контексте настоящего исследования метонимически замещает Сибирь.

Формирование мифа и представлений о городе, который традиционно воспринимается как «первый русский город в Сибири», происходило на стыке географических и нравоописательных текстов. В программном произведении Н.М. Ядринцева «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении» (1892) сибирский пейзаж не имеет твердых очертаний и представлен бесформенным. Здесь ««оттаивающая земля покрывается тундрой и топкими болотами <...> весенние разливы вод сливаются с этими болотами и превращают целые пространства на сотни верст в сплошные моря» (*Ядринцев, 1892*). Болотистая почва, рыхлость и топкость являются постоянными качествами визуального образа сибирского пространства в целом и Тюмени, как части этого целого.

В отличие от Санкт-Петербурга, также построенного на болоте, но имеющего символический образ «гранитного города», Тюмень выглядит мягкой и податливой. «Порой кажется, что она сама устремляется в бездну, не довольствуется положением «на краю», а пробует примерить, каково это – жить между небом и землей, не на дне, а без всякого дна, на мягкой, уходящей из-под ног почве» (*Рогачева, 2004*). Болотистая почва – это и характерная метафора постоянной миграции в социальной и нравственной жизни русской Сибири, отсутствия опоры на многовековую традицию.

Тюмень до сих пор называют «воротами в Сибирь», следовательно, этот бренд

несет в себе концепт «границы пространств» (*Цивьян, 1978*). Однако совершив подобный переход в поисках свободной территории, отечественные аргонавты рисковали навечно погрузиться в реальную трясины. Эта гипотетическая перспектива подтверждается полуполюгендарной историей о лошади тюменского лавочника Андрея Березникова, которая в апреле 1826 г. утонула в грязи на главной улице города. Негативную мифологию Тюмени дополняет заметка в местной газете «Ермак» (1915), в которой сообщается, что К.Д. Бальмонт, возвратившись из Сибири в Петроград, жалуется, что «в Тюмени коровы съели на афишных столбах все анонсы о приезде поэта, так как анонсы были наклеены клейстером из муки и представляли живой интерес животных» (*Ермак, 1915*).

В то же время, сибиряки не стесняются свое провинциальности, а осознают ее как часть региональной идентичности. Так, А.П. Чехов в путевом очерке замечает «местная интеллигенция, мыслящая и не мыслящая, от утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея; после первых же двух фраз местный интеллигент непременно уж задает вам вопрос: “А не выпить ли нам водки?”» (*Чехов, 1950*). Можно проследить определенную преемственность, так как неформальное творчество Западно-Сибирских авторов 1980-1990-х годов описывает пьянство как героический поиск истины или вызов опасной стихии. В данном случае житнетворчество превращается в мифотворчество, порождая саги, элегии и трагедии о зеленом змии, который, в зависимости от контекста, представлен то в виде друга или помощника, то в качестве искуителя или инфернальной силы.

При этом М.М. Пришвин, открывая для себя новую землю, в книге о путешествии в Азию напишет: «Сибирь – богатейшая страна. Сибирь – необъятное пространство. Сибирь – золотое дно, страна обетованная. <...> Беда тому, кто придет в Сибирь с обычным представлением о пространстве, с привычными мерами его и, значит, времени. Масштаб тут приблизительно такой: у нас десять, у них – сто, у нас – двадцать, у них – двести и так далее» (*Пришвин, 1982*). «В Сибири все можно», – говорит Иван Астахов, герой романа М. М. Пришвина «Кашеева цепь» (*Пришвин, 1982*).

Являясь негласной нефтегазовой столицей России, город Тюмень сегодня позиционирует себя, как «Лучший город Земли», однако для местной интеллигенции это по-прежнему «провинция» (*Clowes, 2016*). Важно отметить, что именно контркультурное движение подняло традиционные для региона недостатки «на щит» и буквально сделала своим гербом «тюменскую грязь». Речь здесь идет не только о физической или природной грязи, но и о грязи «ментальной», которая проявляется в бытующих здесь нравах. Это отражено в текстах песен и стихах сибирских панков (Мирослав Немиров, Дмитрий Колоколов, Евгений Кокорин), в названиях произведений самиздата (журналы «Чернозем», «Сибирская язва», «Темень») и т.д.

Таким образом, мотив «почвы и судьбы» занимает одну из ключевых позиций в произведениях Западно-Сибирской контркультуры 1980-1990-х годов, а метафизическое болото становится частью неформального дискурса. Контркультурных авторов всегда отличало амбивалентное, а зачастую и декларативно отрицательное отношение к месту своего проживания. Агрессивность лирического героя произведений «сибирского панка» становилась для него возможностью сохранить себя в советском и постсоветском обществе, поощряющем серость и неприязненно относящимся к любым проявлениям индивидуальности.

У действовавших тогда в Новосибирске, Омске и Тюмени неформальных культуртрегеров выделяются две противоположные тенденции к окружающей действительности: с одной стороны, это ее неприятие в духе чеховских героев и уверенность, что где-то жизнь бьет ключом. Суть второй тенденции – если тебе хочется праздника, делай его самостоятельно здесь и сейчас, не оправдывая свое бездействие внеш-

ними обстоятельствами. Именно она легла в основу технологии создания социокультурного мифа о Тюмени, как «столице сибирского панка». Его проводником был поэт Мирослав Немиров, который в «Большой тюменской энциклопедии» систематизировал историю повседневности богемной среды. Для него город, чаще всего, «неофициальное культурное пространство, в котором проживают неординарные люди» (Лазарева, 2004).

Запрос на отрицательных героев, в противовес неправдоподобно слащавым образам официальной пропаганды, рождало само время. Предчувствие неизбежных перемен заставляло самых совестливых стыдиться «быть хорошими» и звало на эстетические «баррикады». Кроме того, многие из участников контркультурного движения были приезжими из других городов Советского Союза, во многом более развитых цивилизационно. Такой была и продолжает оставаться особенность освоения Сибири, которая в перспективе может и должна стать не только источником природных ресурсов. Напомним, что О. Шпенглер назвал «русско-сибирской» культуру, которая должна прийти на смену западноевропейской цивилизации (Шпенглер, 1923).

Возможность открытого самовыражения, не стесненного цензурными или форматными ограничениями, оказалась настолько привлекательной, что, зародившись в 1980-х гг., контркультурная традиция жива и поныне. Более того, медийный потенциал Западно-Сибирской контркультуры постепенно нарастает, ее образы и ключевые идеи сегодня становятся источником вдохновения для создателей мемов – актуальной информационной единицы. Примером может служить созданная представителями Тюмени и Омска публичная страница «Абстрактные мемы для элиты всех сортов» (Абстрактные мемы..., 2019). Среди мемов основанных на высказываниях Платона, Канта, Льва Толстого и других титанов мысли, вполне адекватно выглядят сюжеты с лидерами «сибирского панка» Егором Летовым, Романом Неумоевым, Янкой Дягилевой и другими. Творчество представителей контркультуры, при всей резкости высказываемых ими оценок нашей малой и большой родине, может пробудить многих от летаргического сна прекраснотуши и убежденности в собственной непогрешимости.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кузнецов Аркадий Вячеславович

Соискатель кафедры философии, старший преподаватель кафедры философии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

E-mail: 72tu@mail.ru

Kuznetsov Arkadii Vyacheslavovich

External Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Senior Lecturer of the Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Sciences,

Tyumen State University

E-mail: 72tu@mail.ru

Литература

1. Абстрактные мемы для элиты всех сортов (2019). Режим доступа: https://vk.com/abstract_memes
2. Абашев В.В., Абашева М.П. Литература и география. Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. Серия «История», 2012. Вып. 2 (19). С. 143–151.
3. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983. 188 с.
4. Богомяков В.Г. Сакрализация современного геопропространственного дискурса. Филологический дискурс: Вестник Института филологии и журналистики ТюмГУ. Вып. 11. Тюмень: Издательство ТюмГУ, 2013. 216 с.
5. Ермак, газета. 1915. № 585-586.
6. Лазарева Т.С. Литературные стратегии современных писателей (В. Строгальщиков, М. Немиров): Автореф. дис. канд. филол. наук. Тюмень, 2004. 24 с.
7. Пришвин М.М. Завороска // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. Произведения

1906–1914 годов. М.: Художественная литература, 1982. 830 с.

8. Пришвин М.М. Кашеева цепь // Пришвин М. М. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Произведения 1914–1923 годов. М.: Художественная литература, 1982. 807 с.

9. Разбудите Ленина (2019). Режим доступа: <https://vk.com/wulenband>

10. Рогачева Н.А. «Грязь – герб Тюмени» // Тюмень: образ, душа, судьба. Тюмень: ФГУ издательско-полиграфическое предприятие «Тюмень», 2004. 478 с.

11. Тюменский рептилоид (2019). Режим доступа: <https://vk.com/tmnreptiloid>

12. Цивьян Т.В. «Дом» в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок) // Труды по знаковым системам 10. Тарту: ТГУ, 1978. С. 65–85.

13. Чехов А.П. Из Сибири // Собрание сочинений в 12 т. Т. 11. М.: Правда. 1950. С. 294–295.

14. Шпенглер О. Причинность и судьба. Закат Европы, т. I. ч. 1. Пб., 1923, 215 с.

15. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Издание 2-е, исправленное и дополненное. СПб: Издание С. М. Сибирякова, 1892. 750 с.

16. Clowes Edith W. Branding Tiumen': Official Image and Local Initiatives / Edith W. Clowes // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2016. No 5(2). P.149-174

References

1. Abstract memes for the elite of all sorts (2019). Available at: https://vk.com/abstract_memes

2. Abashev V.V., Abasheva M.P. (2012). Literature and geography. Ural in geopoetics of Russia // Vestnik Permskogo universiteta. Series "History", No 2 (19). P. 143-151.

3. Baiburin A.K. (1983). Dwelling in the rites and representations of the Eastern Slavs. L., 188 p.

4. Bogomyakov V.G. (2013). Sacralization of the modern geospatial discourse. Philological discourse: Bulletin of the Institute of Philology and Journalism of TSU. No 11. Tyumen: TSU Publishing House., 216 p.

5. Ermak, newspaper. (1915). No. P. 585-586.

6. Lazareva T.S. (2004). Literary strategies of modern writers (V. Strogalshchikov, M. Nemirov): Author's abstract of the Candidate of Philology. Tyumen, 24 p.

7. Prishvin M.M. (1982). Suvorochka // Prishvin M. M. Sobranie sochineniy: in 8 vols vol. 1 Works 1906-1914. – М.: Khudozhestvennaya Literatura, 830 p.

8. Prishvin M.M. (1982). Kashcheeva circuit // Prishvin M. M. Sobranie sochineniy: in 8 vols, vol. 2 Works 1914-1923 years. М.: Khudozhestvennaya Literatura, 807 p.

9. Wake up Lenin (2019). Available at: <https://vk.com/wulenband>

10. Rogacheva N.A. (2004). "Mud-the coat of arms of Tyumen" // Tyumen: image, soul, fate. Tyumen: FSU publishing and printing enterprise "Tyumen", 478 p.

11. Tyumen reptiloid (2019). Available at: <https://vk.com/tmnreptiloid>

12. Tsivyan T.V. (1978). "Dom" in the folklore model of the world (based on the material of the Balkan riddles) // Trudy po znakovym sistemy 10. Tartu: TSU, P. 65-85.

13. Chekhov A.P. (1950). From Siberia // Collected works in 12 t. Т. 11. М.: Pravda. P. 294-295.

14. Spengler O. (1923). Causality and fate. The Decline of Europe, t. I. ch. 1. Pб., 215 p.

15. Yadrintsev N.M. (1892). Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms. 2nd edition, revised and expanded. SPb: Publishing S. M. Sibiriyakov, 750 p.

16. Edith W. Clowes (2016). Branding Tiumen': Official Image and Local Initiatives / Edith W. Clowes // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. No 5(2). P.149-174.

Поступила в редакцию

23 июля 2020 г.